

Вечером Цуй Сянь стоял у стойки регистрации одной популярной гостиницы в Чжоушане и, с явной болью в сердце, отсчитал пятьсот юаней:

— Одноместный номер на одну ночь, спасибо.

Он решил сначала пожить здесь несколько дней, а если всё будет спокойно, уже потом поискать жильё в аренду. Изначально они с Чжань Чуанем договорились встретиться, но Цуй Сянь боялся, что происходящие с ним странности могут втянуть друга в неприятности, поэтому нашёл предлог и отложил встречу.

Девушка на стойке регистрации работала быстро и чётко:

— Господин, ваша ключ-карта. Номер 1903. Если что-нибудь понадобится, позвоните по внутреннему телефону.

Пока она оформляла его по удостоверению личности, девушка украдкой поглядывала на красивое лицо перед собой, всё исполованное царапинами, и невольно подумала: этот человек либо пришёл ловить кого-то на измене, либо сам попался на измене - вон как его исцарапали.

А виновник того, что миловидное лицо Цуй Сяня оказалось разукрашено царапинами, в этот момент свернулся клубком у него под толстовкой и всё пытался, извиваясь, высунуть голову наружу, чтобы выразить своё недовольство.

Маленькая чёрная кошка тогда ни в какую не хотела покидать старый дом. К тому же двигалась она необычайно ловко, а гладкая блестящая шерсть так и выскальзывала из рук. В конце концов Цуй Сяню пришлось выйти и купить пакетик сушёной рыбёшки, заманить кошку в бамбуковую корзину, там поймать, а затем засунуть за пазуху и обманом вынести наружу.

Цуй Сянь открыл дверь номера ключ-картой, вставил её в слот питания, и едва зажёгся свет, как чёрная кошка наконец протиснула голову из-за ворота его одежды. На усах у неё ещё висели крошки сушёной рыбы.

— Мяу.

Из пасти пахло рыбой. Кошка прищурилась и самозабвенно смаковала послевкусие.

Цуй Сянь достал старое одеяло с Доразмоном и расстелил его на полу:

— Давай пока несколько дней перекантуемся здесь. Только не ори и не писай где попало, хорошо? Будешь слушаться - каждый день стану покупать тебе сушёную рыбку.

Чёрная кошка никак не отреагировала, лишь выпрыгнула из его рук и, задрав хвост, отправилась обследовать каждый угол комнаты.

Цуй Сянь лежал без сна, и на душе у него было беспокойно. Он рассудил, что в гостинице много людей, янская энергия здесь сильнее, да и от старого дома она находится далеко. В отличие от той захолустной усадьбы, эта торговая улица всю ночь залита огнями и считается одной из туристических достопримечательностей города.

Изначально он даже хотел сразу решить всё разом - подняться в горы и поселиться при каком-нибудь даосском монастыре, заодно устроившись там добровольцем. По крайней мере, и кормят, и крыша над головой есть. Но, во-первых, времени уже не хватало, а во-вторых, он боялся раскрыть свою личность. Кто враг, кто друг - непонятно; опасность подстерегала со всех сторон, и доверять было некому.

Однако, даже лёжа в постели, он не мог перестать думать. Одна мысль за другой проносились в голове, словно картинки волшебного фонаря. Голова болела, сознание постепенно мутилось, и в конце концов, сам не заметив когда, Цуй Сянь обнял тёплое мягкое тельце чёрной кошки и наконец уснул.

Глубокой ночью суетливый мир людей понемногу затих. Жёлто-зелёные неоновые огни у гостиницы отражались на высотном здании, возвышавшемся во тьме. Архитектурное завершение на крыше, которое днём выглядело весьма художественно, теперь стало удивительно похоже на крышку гроба. Ночью здание словно приобрело совсем иной облик и выглядело мрачно и зловеще.

Фэншуйный шар у входа в гостиницу, до этого непрерывно вращавшийся, неизвестно когда вдруг начал медленно крутиться в обратную сторону. Но охранник клевал носом, а сотрудница на стойке регистрации, развалившись в кресле, смотрела в телефон, поэтому никто этого не заметил. У дверей из ниоткуда появился ребёнок с распущенными волосами. Прижимая к груди потрёпанную тряпичную куклу, он вошёл внутрь, оставляя за собой на полу длинный мокрый след.

Лифт стремительно поднимался всё выше и выше и наконец резко остановился на восемнадцатом этаже. Когда двери разъехались, прямо напротив оказался номер 1918.

Во многих гостиницах из-за суеверного отношения к восемнадцатому этажу его попросту не обозначают, и этот этаж, которого в народных поверьях стараются избегать, сразу называют девятнадцатым.

В коридоре холодные лампы несколько раз бесконтрольно мигнули, а затем с резким щелчком погасли. В длинном, словно бесконечном, коридоре гулко раздавались только мерные шаги:

«Тук-тук... тук-тук...»

И тихая детская песенка, которую напевали немного фальшиво.

«Тряпичная кукла, тряпичная кукла, у меня есть тряпичная кукла, кругленькое личико, красный ротик. Не ест, не пьёт чай, дашь ей конфету - не возьмёт, сидит в сторонке и весело смеётся».

В номере 1903 чёрная кошка, спавшая в объятиях Цуй Сяня, вдруг резко распахнула жёлто-оранжевые глаза. Её вертикальные зрачки вытянулись, словно тонкие иглы, и светились в тёмной комнате, внезапно оставшейся без электричества.

Детская песенка одна за другой вползала в уши Цуй Сяня. Всё его тело окоченело от холода, а голова раскалывалась от боли. В сознании вспыхивали какие-то обрывочные картины, но они никак не складывались в цельную цепь. В полусне он попытался поднять руки, чтобы зажать уши, но будто оказался придавлен кошмаром и не мог пошевелиться ни на волос. В нетерпеливом отчаянии он уже готов был сорваться, когда вдруг почувствовал резкую, обжигающую боль на лице, и только после этого наконец проснулся.

Чёрная кошка хлестнула Цуй Сяня хвостом по лицу, чтобы разбудить, затем тут же приняла стойку и встала перед ним, сосредоточенно уставившись на дверь. Человек и кошка в тёмной комнате, где едва пробивался лунный свет, напряжённо слушали, как напеваемая фальшивым детским голоском песенка и мокрые шаги всё ближе и ближе подходят к двери.

Побледневший Цуй Сянь стиснул зубы. Теперь он понял: смена жилья ничего не даст. Даже не зажигая Лампу призыва душ и держась подальше от старой усадьбы, он всё равно уже через одну ночь снова привлёк к себе этих «существ».

Спустя мгновение липкие шаги остановились прямо у двери номера 1903 и надолго замерли. Цуй Сянь задержал дыхание. Сердце гремело в груди, словно барабан, по телу торчком встали волосы. В ожидании среди страха мучение всегда сильнее всего. И когда Цуй Сянь был уже почти готов вскочить с кровати, из-за двери наконец послышалось журчание воды. В тусклом лунном свете он увидел, как из-под дверной щели в комнату постепенно просачивается густая чёрная жидкость, похожая на тёмный сок.

Казалось, будто кондиционер выкрутили на самый сильный холод. Сквозь пронизывающий мороз пробивался странный запах, то ли трупный смрад, то ли аромат варёного мяса. Две эти вонии смешались в нечто ещё более жуткое и тошнотворное. Цуй Сянь стиснул зубы, слясь подавить подступившую к горлу дурноту.

Чёрная вода полностью пропитала механизм дверного замка. После нескольких тихих щелчков тот легко открылся, и дверь с протяжным скрипом приоткрылась. В темноте из-за щели внезапно показалась тряпичная кукла с круглым лицом и красным ртом.

Именно в этот момент чёрная кошка издала пронзительный, почти нечеловеческий вопль. Её кошачьи зубы мгновенно превратились в клыки, и прямо на глазах у Цуй Сяня худенькое тельце начало стремительно разрастаться, превращаясь в огромного чёрного зверя. С

яростным рёвом тот бросился к двери.

Чёрная вода, всё ещё просачивавшаяся в комнату, внезапно остановилась, словно заколебавшись, однако вскоре всё же снова поползла вперёд, прямо к Цуй Сяню. Увидев, что существо за дверью проигнорировало предупреждение, чёрный зверь пришёл в ярость и одним взмахом лапы ударил по тряпичной кукле. Цуй Сянь услышал лишь хриплый, болезненный крик ребёнка:

— А-а!

Стоило чёрному зверю выскочить наружу, как дверь с грохотом захлопнулась. Прошло совсем немного времени, и когда Цуй Сянь уже начал размышлять, не попробовать ли осторожно открыть дверь и сбежать из гостиницы, все странные звуки внезапно стихли.

Затем дверь сама собой медленно распахнулась.

Цуй Сянь на всякий случай схватил настольную лампу, но за дверью оказался не кто иной, как та самая маленькая чёрная кошка, которую он увёл из родового дома. Она сидела у порога, посмотрела на него, лениво махнула хвостом и облизала лапу.

Больше за ночь ничего не произошло.

На следующий день Цуй Сянь связался с несколькими старшими знакомыми из индустрии развлечений, которые особенно верили в богов и Будду, и разузнал про храм, считавшийся самым действенным и к тому же самым крупным в округе. Ради спасения собственной жизни он решил всё-таки съездить и попробовать.

Опустив голову, он спросил чёрную кошку:

— А ты в храм вообще войти сможешь?

Кошка его проигнорировала. Она, заметно уставшая, свернулась клубком в кармане толстовки Цуй Сяня и спала. Будучи бесхозной сюаньша, она не могла опираться на духовную силу хозяина, а потому каждая крупинка её магической силы расходовалась безвозвратно. Кошка и сама понимала, что долго защищать Цуй Сяня не сможет.

Человек и кошка решили выехать за пределы провинции. После истории с призрачным автобусом в Циньлине у Цуй Сяня уже появилась психологическая травма на междугородние автобусы и такси. А для поездки на скоростном поезде или самолёте на чёрную кошку требовалось заранее, за три дня, оформлять ветеринарное свидетельство. Но кто его знает, пройдёт ли она обычный осмотр. А если на рентгене вдруг выяснится, что внутри не кошка, а настоящий демон, тогда неприятности станут совсем серьёзными.

Цуй Сянь опустил голову и спросил:

— Маленький предок, ты ведь не превратишься внезапно во время прививки и не сожрёшь врача?

Услышав слово «укол», чёрная кошка опасно прищурилась и облизнула острые клыки.

В итоге Цуй Сяню пришлось самому арендовать машину и попытаться добраться до места назначения до полуночи. Перед выездом, помимо еды, питья и сушёной рыбки, он купил ещё телескопическую дубинку и складной нож. Впереди было шестнадцать часов дороги, и он надеялся, что выдержит.

На тихой горной трассе Цуй Сянь, проведший за рулём уже больше десяти часов, начал сдавать от усталости. Он выпил три банки Red Bull - сонливость действительно прошла, зато теперь его невыносимо тянуло в туалет. Цуй Сянь выглянул в окно; к счастью, был ещё день и до темноты оставалось некоторое время, поэтому он остановился на обочине.

На дороге почти никого не было, воздух стоял свежий. Цуй Сянь глубоко вдохнул, нашёл поблизости каменную стену и направился к ней. Чёрная кошка тоже потянулась, последовала за ним и вскоре оставила на той же стене собственное «произведение».

Цуй Сянь даже склонил голову, чтобы взглянуть, после чего присвистнул:

— Ого, высоко достал. Только цвет что-то желтоват. У вас, почтенный, в последнее время внутренний жар, что ли?

Чёрная кошка даже не удостоила его ответом, гордо задрала хвост и ушла. Цуй Сянь застегнул ремень и тоже уже собирался возвращаться к машине, как вдруг заметил, что из щелей в скале полезли всевозможные насекомые и поспешно разбежались кто куда.

— Ого! — воскликнул Цуй Сянь и восхищённо похвалил: — Да у вас, почтенный, моча божественная!

После этого он проехал ещё меньше десяти километров и увидел, как две машины, которые совсем недавно ехали впереди него, развернулись и направились обратно, жестами показывая, чтобы он тоже разворачивался. Цуй Сянь остановился и расспросил одного из водителей. Тот объяснил, что впереди произошёл оползень, дорогу полностью завалило, так что остаётся только возвращаться назад.

Цуй Сянь встревожился. Перед выездом он проверял дорожную обстановку, и никаких предупреждений об опасности оползня не было. У этой горной дороги не имелось ответвлений, поэтому теперь можно было лишь возвращаться тем же путём. Но если ехать туда и обратно, времени ему уже не хватит. Ночевать под открытым небом в глуши после наступления темноты

он не мог. Не желая сдаваться, Цуй Сянь всё же проехал вперёд, чтобы самому посмотреть на дорогу, но там и вправду всё было наглухо завалено грязью и камнями.

Делать было нечего, пришлось разворачиваться. Солнце уже клонилось к закату, а он всё ещё не успел выбраться с горной дороги.

Цуй Сянь просто остановил машину, прислонился к капоту и закурил. Ни деревни впереди, ни постоянного двора позади, неужели ему всё-таки не избежать этой беды? Глядя на медленно поднимающийся и постепенно рассеивающийся сигаретный дым, он смутно вспомнил кое-что из детства.

С тех пор как он потерял сознание, в памяти всё чаще всплывали отдельные фрагменты прежней жизни. Целиком восстановить их не удавалось: то ему вспоминалось, как дед учил его арифметике начальной школы, то - гнетущая тишина и напряжение во время очередного переезда, когда они от кого-то скрывались. Но позади него всегда находилось крепкое тело, оберегающе окружавшее его, а над головой звучал спокойный голос, объяснявший, как прятаться и как сохранить жизнь. Иногда тот человек даже водил его рукой, обучая писать. Кисть была золотой, а следы туши - кроваво-красными.

Цуй Сянь знал, что это был его отец, однако вспомнить его лицо никак не мог. В памяти остались лишь низкий голос и большие крепкие ладони.

Пока Цуй Сянь стоял, погружённый в воспоминания, перед глазами вдруг возник ещё один эпизод: однажды отец нёс его на руках и стремительно бежал через пустынную местность, тяжело дыша над самой его головой. Этот бешеный бег закончился возле маленького полуразрушенного храма высотой примерно в человеческий рост.

Сначала отец зажгёт благовония и почтительно обратился с просьбой. Дым от ароматической палочки, закручиваясь спиралью, поднимался строго вверх. Тогда отец Цуй Сяня словно получил чьё-то дозволение: спрятал маленького сына внутри храма, затем сжёг вокруг него несколько сложенных из жёлтой ритуальной бумаги золотых слитков, а перед входом написал на земле иероглиф «закрыть». Пока он всё это устраивал, то объяснял свернувшемуся внутри Цуй Сяню:

— Это храм Туди, местного божества земли. Здесь временно останавливаются души умерших этой местности. Если сначала зажечь благовония и попросить разрешения, здесь можно ненадолго укрыться от живых.

Затем он протянул большую ладонь и погладил маленького Цуй Сяня по голове:

— Закрой глаза, уши и рот. Так живой притворяется мёртвым и прячется среди мёртвых. Стоит открыть хотя бы одно из семи отверстий, и наружу просочится дыхание жизни. Хороший сын, жди здесь папу.

Теперь Цуй Сянь уже не помнил, сколько именно тогда прождал отца в тесном и душном храме Туди. Он помнил лишь, что в конце концов заснул, а когда проснулся, уже лежал на спине у деда.

Эти постепенно возвращавшиеся воспоминания многолетней давности подсказали нынешнему Цуй Сяню способ пережить ночь. Он подхватил чёрную кошку, сидевшую на крыше машины и осматривавшую окрестности, решительно сел в салон и захлопнул дверь.

— Пошли. Найдём кого-нибудь и спросим дорогу.

Он поехал дальше. Несколько редких машин, которые ему удалось остановить по пути, тоже оказались с приездами. Заодно Цуй Сянь предупреждал их, что впереди дорога перекрыта: из-за оползня проехать невозможно.

Небо постепенно темнело, и как раз когда Цуй Сянь начал всерьёз тревожиться, ему наконец встретился старик, пасший овец на травянистом склоне. Услышав, что Цуй Сянь расспрашивает о местном храме Туди, старик решил, что в какой-то деревенской семье умер человек и теперь родственники хотят заранее сходить к храму с подношениями. В подобных местах такое было обычным делом: после смерти человека по дороге часто запускали петарды, играли траурную музыку, а родные громко оплакивали покойного, чтобы провести недавно умершую душу к храму и временно поселить там.

Старик без лишних слов объяснил дорогу. Цуй Сянь в благодарность отдал ему две пачки сигарет, после чего тут же вдавил педаль газа и с рёвом умчался. Глядя, как молодой человек так спешит, старик даже одобрительно покивал: вот уж действительно почтительный сын и достойный внук.

Цуй Сяню, разумеется, было всё равно, что именно подумал пастух. Он ехал ещё около получаса, затем бросил машину и довольно долго шёл пешком в глубь горного леса, пока наконец не остановился. Под густой тенью нескольких почти чёрных деревьев перед ним показался небольшой каменный храм с красной крышей. Внутри стояли две статуи - дедушки Туди и бабушки Туди. Сам храм выглядел старым и местами обветшавшим, однако вокруг не росло ни единого сорняка, а в курильнице лежал толстый слой пепла от благовоний. Видимо, сюда часто приходили поклониться.

Но там, где собираются души умерших, всегда рождается тёмная вода Инь, поэтому места временного пребывания духов неизменно бывают сырыми и холодными, особенно после захода солнца.

Цуй Сянь подошёл к храму, опустился перед ним на колени, достал из лежавшей на алтаре коробки несколько ароматических палочек, зажёл их и тихо произнёс:

— Я оказался в беде. Прошу двух почтенных божеств сжалиться и даровать мне немного защиты.

<http://bllate.org/book/18411/1884356>